

Что такое ребёнок?

Влас ДОРОШЕВИЧ

Правда, странный вопрос? А между тем обратитесь к любому отцу семейства.

— Скажите, пожалуйста, что такое ребёнок?

— Ребёнок?!.. Какие странные вопросы вы задаёте!.. Ребёнок... Ну... Ну... Ну, это будущий человек... Ну... Ну... да это всякий понимает, что такое ребёнок...

Вопрос мне показался интересным.

Именно теперь, когда так много разговаривают о школьной реформе.

Я обратился с этим вопросом к трём отцам и получил в ответ три письма.

I

Если бы вы спросили меня, верю ли я в бессмертие души, — я отвечал бы вам, не колеблясь:

— Да.

Для меня это не подлежит никакому сомнению. Для меня это очевидно.

Бессмертие души, это — дети.

Я бессмертен в моих детях. Я не умру, если у меня есть ребёнок. Не умрёт лучшее, что во мне есть.

Я жил, страдал, работал, мыслил, и лучшие из тех мыслей, которые у меня накопились за жизнь, лучшие из чувств, которые у меня выработались, я передам моему ребёнку.

Только лучшие! Заметьте.

Все мы знаем, что в жизни очень важно умело лгать. Однако мы не учим ребёнка:

— Лги умело.

Мы говорим ему:

— Люби правду!

Горький опыт учит нас, что низкопоклонничать очень выгодно.

Однако мы говорим ребёнку:

— Не низкопоклонничай. Это гадко.

Разве добро так уж выгодно, полезно, практично? Есть много дурного, скверного, гнусного, что приносит в жизнь гораздо больше пользы.

Однако, мы не учим ребёнка:

— Умей ловко пользоваться гнусностью. Не избегай подлости, когда надо. Кругом, мой друг, так делают. Это необходимо в борьбе за существование. Пользуйся и злом.

Мы не даём ребёнку этого единственно практичного воспитания.

Мы очень непрактично учим его добру, которое не всегда полезно, которое чаще всего очень вредит интересам человека.

Почему?

Ведь, собственно говоря, если б я хотел облегчить своему сыну жизнь, я бы должен был внушать ему:

— Доставай деньги. Это главное. Какими путями, — это все равно. Когда ты достанешь много денег, — про пути все забудут. Только делай это ловко, чтоб не попасться. Беги от людей, с которыми случилось несчастье. Никогда не следует подплывать к человеку, который тонет: и тебя с собой утопит! Но, мой друг, когда поступаешь так, никогда не дай заподозрить себя в жестокосердии. Напротив, ты сожалей, плачь, на словах говори как можно больше. Хорошие слова, это — всё.

Почему же, вместо того, чтобы подавать ребёнку такие, действительно, полезные в жизни, советы, ему внушают массу “хороших вещей”, которые окажутся лишними, непрактичными, непригодными к жизни, которые будут мешать ему, вредить в борьбе за существование?

Почему? Зачем?

Я передаю своему ребёнку только то, что есть в моих мыслях и моём сердце лучшего, Божественного и потому бессмертного.

Я стремлюсь, чтобы лучшая часть моей души осталась бессмертной и жила в моем ребёнке.

Это — бессознательное стремление к бессмертию.

Рождение ребёнка, это – скульптура.

И я — маленький Пигмалион, который хочет вдохнуть в созданную им статую живую душу, — мою душу. Чтобы она жила на свете после моей смерти.

У меня есть мечты, идеалы, грёзы. Я не доживу до их осуществления. Но он, может быть, доживёт. Не он, — его сын, которому он, в свою очередь, передаст мою душу, вложенную мною в него.

И когда мой внук увидит осуществление того, о чём мечтал я, и когда он скажет:

— Мой дед ещё мечтал об этом! Вот если бы старик увидел!

Это моя душа прочтёт его устами:

— Ныне отпускаеши...

Вы слышите, про человека говорят:

— Совсем его покойный отец! Та же прекрасная душа!

Вот человек, который не умер, хотя его и похоронили.

Он живёт, живёт в своем сыне.

И старики, помнящие отца, с радостью видят живую душу человека, которого они знали, узнают её и улыбаются ей, как старой милой знакомой.

Скупец хотел бы, чтоб и сын его был скрягой. Человек, любящий людей, хотел бы, чтоб и сын его обладал той же душой.

Это — стремление обессмертить себя.

Боязнь умереть.

Путь к бессмертию — это дети.

Вот вам, мне кажется, и решение о школе.

Послушайте, в то самое время, как я пишу вам, мой сын в соседней комнате сидит и зубрит историю Иловайского, — именно историю Иловайского, а не историю мира, потому что с настоящей историей мира этот “курс всемирной истории” ничего общего не имеет. Это — самый тенденциозный и потому отвратительный учебник в мире. Он напоминает мне подтасованную колоду карт. Извращённые факты, извращённое освещение.

То, что читает сейчас вслух мой мальчик, ложно и потому отвратительно. И это вбивают ему в голову!

Что я должен сделать?

Пойти и сказать:

— То, что ты сейчас прочел, — ложь. Дело происходило вот как!

Он скажет мне:

— Вот хорошо, что ты мне сказал. Я так и отвечу!

Что я должен возразить ему?

— Нет, мой милый мальчик, отвечать ты должен так, как написано в учебнике. А правду — скрывать про себя. Говори ложь, а думай правду!

Передо мной лежит газета, которую я только что прочёл.

В ней какой-то господин рекомендует ввести особые классы “народной гордости”.

Он с умилением вспоминает, как где-то в Германии видел школьников, которые распевали во все горло под дирижёрство учителя:

Deutschland, Deutschland ueber

Alles,

Ueber Alles in der Welt!

И он рекомендует ввести такие же прогулки с пением для наших школьников.

Да если я-то думаю, что “ueber Alles” должна быть справедливость, а не “Deutschland”? Зачем же мне калечат моего ребёнка?

Вы хотите давать “политическое воспитание” детям? Ради Бога! Да они ещё слишком малы для этого!

Вдруг я имею в доме девятилетнего представителя партии! Да это так же приятно, как иметь в доме урода.

Политика, даже самая лучшая, неуместна в преподавании. Политика, это — такая приправа, которую нельзя класть во всякое кушанье.

Я требую, чтобы школа дала моему ребёнку три вещи: знание, любовь к знанию, умение учиться и достигать знания.

Пусть он знает, хочет знать больше, умеет заниматься сам.

Со знаниями придёт и любовь.

Любовь, это — знание.

Только то, что мы знаем, нам близко. Только то, что нам близко, мы любим.

Чтобы полюбить какого-нибудь человека, надо узнать его. Когда вы знаете его, его мысли, его радости, его печали, его прошлое, понимаете причины каждого его поступка, — вы сочувствуете ему, вы жалеете уже о тех дурных чертах, которые просто возмутили бы вас, если бы вы не знали, почему, откуда они явились, у вас является желание помочь этому человеку — вы любите его.

Пусть школа только даёт знание.

И когда мой сын будет знать Россию, знать её литературу, её историю, её быт, — он будет любить её.

А уж что он будет считать “ueber Alles”, предоставьте позаботиться мне.

Он будет видеть свет там, где видел свет я. Когда я умру, он пойдёт туда же, куда шёл я. Моя душа пойдёт в его тело.

Одно знание, чистое знание, любовь к знанию, умение добиваться знания пусть даёт школа. Все остальное — дело семьи. Дело моё. Дайте мне самому заботиться о своей душе. Если я ребёнку не передам самого заветного, что есть в моей душе, — зачем я жил? Зачем он у меня родился?

II

Что такое ребёнок? Очень просто ответить.

Ребёнок, это — несчастье, которое надо как-нибудь поправить.

Я жил и знаю, что такое жизнь. Я знаю, что на минуту радости здесь годы несчастья. Хорошенькая планета, где у лучших и сильнейших умов является мысль:

“Позитивно только страдание. Счастье — это отсутствие страдания!”

Почему я не уйду отсюда? Я попал в скверное место и продолжаю в нём оставаться! Казалось бы, странно?

Почему обитатель ночлежного дома никак не может уйти из него?

Дайте ему денег, — он пропьёт и вернётся в “ночлежку”.

Иначе сделает! Вымоется, “справит” себе приличное платье, на остатки угостит приятелей, с которыми прощается. Напьётся, за бесценку продаст платье, пропьёт и пойдёт чистый спать на грязные нары. Желание было страшное уйти, а в конце концов всё так и останется.

Почему?

Ведь от грязи и мерзости его также тошнит. Он также слышит, что в кабаке и ночлежке мерзко воняет.

У него искреннее желание уйти.

Почему же он не может уйти из скверного места, в которое попал, не может даже тогда, когда к этому есть возможность?

Причина простая.

Слабость воли. Вот и всё.

Привычка жить, желание жить — слабость воли. И только.

Я знаю, что здесь мерзко, и дальше будет также мерзко. И не могу “уйти” из жизни.
Слабость воли. Только и всего.

И я презираю себя за это бессмысленное, поистине какое-то запойное желание жить.

Презираю, как алкоголик презирает свой запой.

И вот я, знающий, что такое жизнь, сам сидящий в этой мерзости, нечаянно посадил сюда и другого. У меня ребёнок.

Неосторожно я причинил ему жизнь.

Беда, которую надо как-нибудь поправить.

Вооружить его хоть чем-нибудь на жизнь.

Чем? Знанием. Я отдаю его в школу.

— Вооружайся!

Я прошу школу:

— Вооружите его!

Вооружите, чтоб он мог других есть, а не другие его ели.

Знание — это средство сесть кому-нибудь на спину.

Иван Иванович знает, в котором году родился Кир, в котором умер Камбиз, и с какого по какой год длилась война Белой и Алой розы, и передаёт эти знания другим.

А потому кухарка Акулина, которая не знает даже, в каком году она сама родилась, жарится у плиты, варит ему щи и бегаёт по дождю в лавочку за папиросами.

А если бы Иван Иванович не знал, в каком году родился Кир и когда умер Камбиз, он сам бы чистил сапоги Василию Петровичу, который знает, что квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов, и может преподавать это другим.

Зато и Акулина, знай она про Камбиза или гипотенузу, была бы не кухаркой, а учительницей и, придя домой, орала бы на Матрёну:

— Ты что ж это, дрянь этакая, по любовникам шатаешься? Опять щи не готовы?!

Точь-в-точь так, как теперь Иван Иванович орёт на неё, Акулину.

Я еду на извозчике потому, что знаю побольше его. А если бы было наоборот, — кто из нас сидел бы на козлах?

А потому, мой друг, вопрос о школе, — вопрос самый простой.

Как можно больше знаний, которые могут пригодиться.

Самая простая формула:

— Учите только тому, что можно съесть.

Только тому, на что можно пообедать, на что можно купить папирос.

Никаких этих знаний, возвышающих душу, расширяющих кругозор.

Ведь чем возвышеннее душа и шире кругозор, тем больше неприятностей и огорчения в жизни чувствуешь, и тем сильнее их чувствуешь.

Зачем же я буду делать всё это ребёнку?

Посадил человека в клоповник, да ещё буду заботиться:

— Чтоб кожа у него была тонкая!

Зачем это?

Чтоб боль он сильнее чувствовал?

К чему такое свинство над ребёнком делать, как кругозор ему расширять и дух возвышать?

Сделал неосторожность, — хоть не увеличивай!

Ш

Дети, это — налог на страсть в пользу государства. Это — пошлина за поцелуи.

Я поставщик сырого материала.

Я поставляю на государство детей. А оно уж делает из них различные поделки. То, что

ему нужно: чиновников, офицеров, инспекторов, учителей и т.д., и т.д., и т.д.

Для этого у него есть школа.

Как поставщик сырья, я себе в стороне.

Сдал к известному сроку то, что нужно, — кончено.

С девяти до половины третьего дня материал в работе. Его обтачивают, шлифуют.

А затем присылают ко мне на сохранение.

Я его храню у себя до утра.

Конечно, я должен заботиться, чтобы “штука в работе”, пока у меня на дому лежит, как-нибудь не испортилась.

Вот, по-моему, чем должны регулироваться отношения между семьёй и школой.

Не школа должна прислушиваться:

— Чего семья требует.

А семья должна глядеть:

— Чего школа желает?

То и делать.

Были древние языки, — я говорил своему:

— Учи, мерзавец, Кюнера! Учи, мерзавец, Кюнера!

Теперь греческий, говорят, совсем побоку.

Да если я увижу, что мой сын читает потихоньку Гомера на греческом языке, — да я за-порю негодяя:

— Не смей недозволенных книг читать!

Вот что такое ребёнок, — и какие должны быть к нему истинные отношения у истинного отца.

* * *

Собственно говоря, мне понравились все три письма.

И понравились бы даже очень, если бы у каждого из них не было маленького *postscriptum*'а.

Под первым была приписка:

— Нельзя ли напечатать это письмо в какой-нибудь газете? Покрупнее, на видном месте!.. И непременно за моей полной подписью. Пожалуйста! Кажется, ничего себе? А? Возвышенно!

Под вторым:

— Кажется, в современном штиле? С пессимизмом. Если напечатаете, — пришлите. Очень обяжете. У меня вообще репутация пессимиста. Знаете, это как-то делает человека интереснее.

Под третьим стояло:

— Не будете ли вы добры при случае, будто ненароком, показать это письмо его превосходительству Петру Петровичу? Вам это всё равно, а мне может принести пользу: у нас освобождается место помощника экзекутора, и мне очень хотелось бы, чтобы его превосходительство знал образ моих мыслей. Чрезвычайно обяжете!